

Р. БАЛАКШИН

ВАЛЕРКА

Памяти друга детства

КОГДА мне было лет десять-одиннадцать, сестра моя вместе с мужем жила на улице Герцена. У сестры родился ребёнок – мой племянник Серёжа, и меня посылали водиться с ним.

Квартира была коммунальная. Двое на кухне. У соседей был сын – Валерка. Мы с ним подружились. Дети быстро находят друзей. Уложив Серёжу спать, мы с Валеркой играли в настольную игру, передвигая разноцветные фишки, путешествовали по Советскому Союзу. Оба мы любили географию.

Конечно, во дворе вместе со всеми мы играли в прятки, в «колдунчика», в испорченный телефон. Зимой бегали на горку на берегу реки, я бывал у Валерки в гостях, пил чай из самовара, и как-то заспорил с его отцом, который в разговоре сказал, что столица США – Нью-Йорк. Я возразил, что столица Вашингтон. Он утверждал своё, я не уступал. Видимо, его вывело из себя, что 11-летний мальчишка спорит с ним. Он нахмурился, сжал крепкие, тугие кулаки. Мать Валерки прервала спор, не больно шлёпнула меня по плечу и сказала: «Хватит!» Я хотел спорить дальше, но Валерка пнул меня под столом, и я замолчал.

Вскоре сестра моя переехала на новую квартиру, я стал редко видеться с другом.

Как передать моё потрясение, ужас, когда года через два я узнал, что дружка моего, Валерку, убили. Зарезали.

Я поделился ужасной новостью со своим одноклассником. Он равнодушно сказал, что конечно, жалко Валерку, но что-то подобное можно было ожидать.

Окрестные подростки не любили, боялись Валеркиного отца. Он был участковым милиционером. Недалеко от нас строился жилой кирпичный дом. Ребята вечерами бегали по стройке, озоруя, разбирали свежую кладку, забрались в под-

собку, что-то взяли там. Отец Валерки отвечал за порядок на своём участке. Бил пойманных им ребят, «колол» их. В разговоре клал руку на затылок задержанного и внезапно, с силой ударял лицом о стол. Перепуганный мальчишка обливался кровью из разбитого носа, ревел от боли. Ребята звали Валеркиного отца не иначе, как Ванька-колун.

Я содрогнулся от этого «можно ожидать». Ладно, отец был такой, но Валерка-то при чём? Он никого не «колол» и, вообще, был похож на пионера с плаката: круглощёкий, смешливый, с весёлым неунывающим взглядом, с задорным вихром волос.

Я недавно оказался в тех местах, зашёл во двор, где мы играли детьми. Ряд деревянных домов, когда-то принадлежавших железнодорожному ведомству. Я остановился у того дома, задумался, прихлынули воспоминания, послышались дальние голоса. И почудилось (со старыми людьми это бывает), что выбежит сейчас из-за сарая смеющийся, весь лучезарный Валерка, с воздушным змеем, прижатым к груди.

Нашли его за сарайками. Лежит в крапиве мальчик, ребёнок, раскинув свои ручонки, голубенькая рубашонка вся пропитана кровью. Мать Валеры рубашку не стирала, так и хранила в комод. Бурого цвета, только один рукав голубой. Откроет, бывало, комод, посмотрит на рубашку, зарыдает. И снова ящик задвинет. Детей у них больше не было. Когда мать умерла, рубашку сына ей в гроб положили.

Самого отца побоялись убить. Он здоровый мужчина, с крутой бычьей шеей, низким потным лбом, упорным взглядом глаз и увесистыми кулаками. Если на разу не положишь, он драться будет. Решили отомстить на сыне. Его заманили за сарайки. Позвали зачем-то, он доверчиво пошёл.

Кто убил его? Дитя, невинного мальчугана, который не может отвечать за своего отца. Видать, ненависть к отцу была так сильна и жгуча, что в чьей-то выгоревшей, слепой от ненависти и злобы душе налилось, как опухоль, желание отомстить. Валерку несколько раз ударили в спину ножом.

Нам, мелюзге, не было дела, чем занимается Валеркин отец, но старшие парни не любили его и не раз говорили о нём со злостью матерными словами.

Убийца Валерки, наверное, жив до сих пор. Как-то встретит его Господь на том свете? А тебе, милый дружок, вечная радость и вечная память. Ты озарил мои дни своим смехом, простодушной, сердечной детской улыбкой.

Из глубины лет, разделяющих нас, шлю тебе светлый привет и улыбку. До свидания, дорогой мальчик, так и не ставший юношей, мужчиной. Едва ли ты узнаешь меня, когда и я, но уже седой и старый, приду в твою страну, иде же несть ни печаль, ни воздыхания. Но я узнаю тебя.